

и Сов. культуры, 1975, 240 стр

МАЯКОВСКИЙ ЗВУЧИТ ПО-НЕМЕЦКИ

Произведения Маяковского в рабочем кабинете австрийского переводчика, поэта и писателя Гуго Гупперта стоят на отдельной полке. Пятитомник поэта на немецком языке в переводе Гупперта занимает особое, почетное место. Вернее сказать, четыре разных пятитомника, вышедших сразу в нескольких издательствах: в «Фольк унд Вельт» (ГДР), в западногерманском «Инзель», купившем права у своих коллег из ГДР и выпустившем произведения Маяковского в обычном и карманном варианте, и в издательстве Компартии Австрии «Глобус». Первый том — лирика, второй — поэмы, третий — драматургия, четвертый — проза, пятый — публицистика. Огромная, титаническая работа. О ней мы и начинаем нашу беседу.

— Товарищ Гупперт, как долго вы работали над переводами Маяковского?

— Всю жизнь. Это не громкая фраза: действительно всю жизнь. Впервые я услышал стихи Маяковского в конце двадцатых годов на одном из литературных вечеров советского посольства в Вене, на который я был приглашен. Я тогда не понимал ни слова по-русски, но знакомые перевели содержание, и меня потряс ритм стихов, их звучание, их энергия. Встретился я с Маяковским лично, когда уже жил и работал в Советском Союзе, на VI конгрессе Коминтерна. Помню, как волновался я, пытаюсь передать на моем тогда еще очень плохом русском все восхищение его творчеством. Помню, как делегаты, обходя нас, улыбались. Наверное, мы были очень комичной парой. Огромный, высокий Маяковский и я — ниже среднего роста...

— Тогда вы уже начали переводить?

— О нет, я слишком плохо знал русский язык. Позже, после того, как я начал свободно читать и ближе познакомился и чаще встречался с Владимиром Владимировичем, я решил на первый перевод. Это был «Левый марш». За ним последовали сатирические стихи. Маяковский собирался ехать с моими переводами в Берлин.

— Когда и где вышли ваши первые переводы Маяковского?

— В Москве, в издательстве «Международная книга». Книга избранных стихов и отдельно поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!». Это было уже после смерти Маяковского. А в те часы, когда я стоял у гроба поэта, я дал себе слово сделать все, чтобы Маяковский стал доступен и понятен немецкому читателю.

— Думали ли вы уже тогда о соборании сочинений Маяковского на немецком языке?

— В тридцатые годы, окончив Институт красной профессуры в Москве, я начал работать в журнале «Интернациональная литература» заместителем главного редактора И. Бехера и продолжал переводить Маяковского. Я не собирался прекращать работу над переводами, но четкая мысль об издании собрания сочинений появилась у меня после беседы с Димитровым. Однажды он вызвал меня в Коминтерн, и мы долго говорили о Маяковском, большим поклонником творчества которого был Димитров. Кстати, именно Димитров наметил пя-

титомник в том виде, в котором он в конце концов появился.

— Вы сразу приступили к исполнению этого плана?

— Я продолжал по-прежнему переводить Маяковского, но работа над собранием его сочинений отодвинулась надолго. Война, послевоенная работа в Австрии... Только в шестидесятые годы я смог вернуться к изданию пятитомника. Как вы знаете, последний том вышел в прошлом году.

— Издание избранных произведений Маяковского говорит о безусловном интересе к его творчеству. Известно ли вам, кто он, читатель Маяковского семидесятых годов?

— Мне кажется, что сегодняшний читатель Маяковского молод. Судя по тем встречам, которые у меня были, по той публике, что ходила на спектакли «Мистерия Буффо» венского театра «Комедианты» в моем переводе, — это молодые люди: студенты, интеллигенция, ученики гимназий, рабочие. Я думаю, что интерес к творчеству Маяковского у молодого западного читателя в первую очередь объясняется интересом к политической лирике, к острому, страстному слову поэта-борца. Сегодняшний молодой читатель, сталкивающийся каждый день с серьезными жизненными проблемами, не может быть удовлетворен беспредметной лирикой некоторых западных поэтов. У Маяковского он находит отклик на многие вопросы, его тревожащие. Величие Маяковского в его неумирающей актуальности. Маяковский глубоко интернационален.

— В какой степени творчество Маяковского повлияло на ваше собственное поэтическое творчество?

— В огромной. С той минутой, как я встретился с Маяковским, я попал под обаяние его личности, его творчества. Я считал и считаю, что всегда был и остаюсь его учеником, его почитателем. Я счастлив, что сумел довести до конца начатый труд и завершить это издание. Что же касается влияния на поэтическое творчество, то я всегда следовал духу Маяковского, пытаюсь избежать прямого подражательства. Подражать Маяковскому, копировать его невозможно. Он настолько своеобразен, что все попытки слепо копировать его метод терпят крах. Но я никогда не перестаю и не перестаю возвращаться к поэзии Маяковского, чтобы под сегодняшним, другим небом, не-

бом семидесятых годов, осмыслить его творчество.

— Что вами лично выпущено в последние годы?

— Несколько стихов и поэмы. Возвращаясь к теме влияния Маяковского, хочу сказать отдельно о поэмах. Прежде всего это поэма «Рассодия, хлеб и розы» о ленинизме, выпущенная к столетию со дня рождения Ленина. Затем «Голубятник» — о периоде эмиграции в Советский Союз. «Барабан Тамбур-Мансора» — к двадцатипятилетию Гейне. И последняя к тридцатилетию Победы над фашизмом — «Бранденбургские ворота».

— Вы сказали: возвращаясь к теме влияния... Что вы имели в виду?

— Все поэмы были написаны по заказу. Я считаю, что исполнение поэтического «социального заказа» — это тоже влияние Маяковского.

— Где вышли эти поэмы?

— Все в ГДР, в издательствах, с которыми у меня давние и дружеские отношения. Только поэма о ленинизме вышла юбилейным изданием вторично в коммунистическом австрийском издательстве «Глобус».

— Вы издаетесь в основном в ГДР, а живете и работаете в Австрии. Чем это объясняется?

— О, это сложный вопрос. Ответ на него может быть и очень кратким, и очень обстоятельным. Так вот коротко: потому, что я коммунист. В Австрии сравнительно мало издательств, совсем нет крупных литературных журналов. Но и те немногие буржуазные издательства, которые у нас есть, не печатают авторов коммунистов.

— Что было бы, если бы, скажем, у вас не было контактов и заказов от издательства ГДР?

— Трудно сказать... Ничего хорошего: я, безусловно, не нашел бы издателя в Австрии. Моим друзьям в ГДР я обязан возможностью печататься.

— Собираетесь ли вы еще раз возвращаться к творчеству Маяковского?

— К переводам вряд ли. Я считаю этот труд моей жизни законченным. Но в нынешнем году в ГДР, в «Хеншель-Ферлаг», выходит новый, расширенный вариант моих воспоминаний о Маяковском «Нетерпеливый век». В большом романе-автобиографии «Приоткрытая дверь», работу над которым я кончаю, период жизни в Советском Союзе, встречи с Маяковским, конечно же, занимают большое место. Маяковский «определил» меня и как поэта, и как переводчика, и в известной степени как прозаика. Маяковский — это та тема, к которой я прямо или косвенно буду возвращаться до тех пор, пока буду в состоянии писать.

Беседу вел
Е. БРУСКОВА,
соб. корр. «Комсомольской правды» — специально для
«Советской культуры».
ВЕНА.